

А. И. Филюшкин
**«ЛЮДИ ГРАНИЧНЫЕ»: РУССКО-ЛИТОВСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ
 В КОНЦЕ XV–XVI в.**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-15-23

УДК 94(470)“14/15”

ББК 63.3(2)43

Линию соприкосновения между Великим княжеством Литовским и Русским и Российским государством в XV–XVI вв. следует определить не как линию границы, а как контактную зону. Ее составляющими были территории (в том числе зоны непроходимых лесных массивов, болот и т. д.), населенные пункты и дороги. Контроль над границей был контролем не над условным рубежом (страны не располагали ресурсами для его обороны на всем протяжении), а над дорогами, коммуникациями, связывающими страны, и над городскими округами в пограничной зоне. Система пограничных крепостей представляет собой военные базы для подвижных постов и военных разъездов по дорогам и территориям. Важную роль в пограничье играло землевладение. Землевладельцы обладали определенными льготами, кроме того, именно они следили за соблюдением владельческих меж, которые в ряде случаев превращались в межгосударственные рубежи и в государственную границу. Она с 1520-х гг. фиксировалась в документах особого типа — рубежных списках. Инструментом урегулирования пограничных поземельных споров должны были выступать съезды местной знати, но они оказывались неэффективными из-за саботажа дворян. Пограничная зона отличалась социальной и политической нестабильностью, криминальной обстановкой, что влияло на характер жившего там населения. В его составе было немало беглых, криминальных элементов, что позже самым негативным образом проявится в кризисе в годы Смуты в начале XVII в.: именно эти слои поддержат самозванца.

Ключевые слова: *Великое княжество Литовское, Российское государство XVI в., пограничье, контактная зона, рубежные списки, дворянское землевладение*

Между государственными образованиями Восточной Европы в средневековье и раннее новое время (землями, княжествами, улусами) не существовало четко проведенных рубежей. Изначально в качестве маркеров принадлежности территорий выступали городские центры, вблизи них располагалась округа, на которую распространялась юрисдикция местного правителя (воеводы, наместника, князя и т. д.) и с которой он взимал налоги. Пределы этой округи устанавливались достаточно произвольно («куда серп, топор и коса ходили»). По мере складывания в Восточной Европе крупных государственных образований — Великого княжества Литовского и Русского (далее — ВКЛ) и «государства всея Руси» (в терминологии А. Л. Хорошкевич)¹ с центром в Москве — вопрос о границах между ними становился все более злободневным. С конца

XV в. и до начала XVII в. они постоянно перемещались туда-сюда: из рук в руки переходят Смоленск, Полоцк, Велиж, Кричев, Дубровна, другие приграничные центры и земли.

Перед нами не столько граница, сколько огромная контактная зона. Это понятие наиболее полно было раскрыто М. Л. Пратт в начале 1990-х гг. По ее словам, такие зоны часто полны импровизированных отношений и «взаимного присутствия», которые типичны для контакта между народами, «географически и исторически разобщенными... обычно в условиях насильственного принуждения, крайнего неравенства и неразрешимого конфликта».² Мы видим, что данные характеристики очень подходят для интересующего нас пограничного региона — для рубежной территории между ВКЛ и «государством всея Руси». Это пограничная территория с особым «украинным» маргинализированным населением, которое с конца XV в. называло себя «украинники»,³ «граничники»,⁴ «люди граничные», «порубежники».⁵ Примечательно,

¹ См.: Хорошкевич А. Л. Государство всея Руси // Родина. 1994. № 5. С. 21–26; Он же. Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 2004. Bd. 63. С. 103–125.

Филюшкин Александр Ильич — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: a.filushkin@spbu.ru

² Pratt M. Arts in the Contact Zone // Reading the Lives of Others. Boston, 1995. P. 180–195. Цит. по: Рубл Б. Творческий потенциал контактных зон // Отеч. зап. 2012. № 3 (48). С. 246.

³ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 152.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ Там же. С. 436.

что этнические маркеры («литвин», «русин», «люди русские») в XV–XVI вв. в документах почти никогда не фигурируют. Идентичность определялась по подданству. Нападавшие из ВКЛ для России были «люди литовские»; приходившие походами из России для ВКЛ — «москва», «московские». Религия у населения русско-литовского пограничья была одинаковой (православие), поэтому важнейшим маркером идентичности было место жительства, населенный пункт («люди полоцкие», «витебские», «смоленские» и т. д.).

История русско-литовского пограничья изучалась либо в историко-правовом,⁶ либо в историко-географическом ключе. Здесь можно выделить не превзойденную в научном плане, но, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованную диссертацию Н. Б. Шеламановой⁷ и работы В. Н. Темушева,⁸ которые сумели территориально реконструировать линию границы и установить местоположение многих населенных пунктов. История перехода приграничных земель под власть Москвы разработана в трудах В. Н. Темушева,⁹ М. М. Крома¹⁰ и др. Изучались отдельные аспекты административно-правового режима в пограничье.¹¹ Материал по истории пору-

бежья так или иначе привлекался в общих работах, посвященных социальной истории ВКЛ,¹² генеалогии и социальной истории дворянства ВКЛ и Московской Руси,¹³ перебежчикам и «шпегам» (шпионам-осведомителям).¹⁴ Вопросы повседневной жизни населения порубежья почти не исследовались, исключая специальную работу О. Дзярновича.¹⁵

Приведем ряд наблюдений по истории русско-литовского пограничья, основанных на изучении прежде всего посольской документации и актового материала, и наметим возможные векторы дальнейших исследований проблемы.

Что представляло собой пограничье? Это была сложная система пространств, дорог и населенных пунктов. Рубежами раньше, чем условные линии, проведенные на воображаемых картах, стали именно пространства: чужая земля находилась «за лесом», «за горой», «за рекой», «за озером». При этом чем

первого Литовского статута. М., 1892. С. 248–266; Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961. С. 243–262; Жеребцова Л. Ю. Создание электронного ресурса по истории таможенной службы Великого княжества Литовского (на примере базы данных «Мыто») // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2010. № 36. С. 65, 66; Blaszczyk G. Geografia historyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego: stan i perspektywy badań. Poznań, 2012; Ластовский Г. А. Административно-территориальное устройство и категории сельских населенных пунктов Смоленской земли в составе Великого княжества Литовского (XV — начало XVI века) // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2013. № 3 (23). С. 168–177.

¹² См.: Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий и государственности. СПб., 2013.

¹³ См.: Backus O. Motives of West Russian nobles in deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514. Lawrence, 1957; Кузьмин А. Г. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014–2015. Т. 1–2; Воронін В. А. Сацьяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё Полацкага ваяводства в першай палове XVI ст.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мінск, 2000.

¹⁴ См.: Backus O. P. Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. P. 119–144; Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen // Russian History. 1987. Vol. 14, № ¼. S. 5–35; Grala H. In der Fremde. Betrachtungen zu den Siegeln und Wappen von Flüchtlingen aus Moskovien in Polen–Litauen in 16. Und 17. Jahrhundert // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1999. Bd. 45. S. 379–422; Шмидт С. О. Русская эмиграция и ее влияние на отечественную историческую мысль // Документальное наследие по истории русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. М., 2005. С. 11–64; Ерусалимский К. Ю. Московиты в польско-литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

¹⁵ Дзярнович О. Цена обиды: локальные конфликты на бело-русско-латгальской границе в первой половине XVI в. и проблема измерения ущерба (по материалам Книги № 560 Метрики Великого княжества Литовского) // Метрыка Вялікага Княства Літоўскага (1541–1542). Кніга № 560/3. Мінск, 2010. С. 254–259.

⁶ См.: Виноградов А. В. Формирование границ Великого княжества Литовского и Московского государства в свете геополитических изменений в Восточной Европе. 90–е гг. XV в. — 80–е гг. XVI в. // Формирование территории Российского государства XVI — начало XX в. (границы и геополитика). М., 2015. С. 9–39.

⁷ Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

⁸ Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в.: территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009; Он же. Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования. Минск, 2004. Вып. 1. С. 71–80; Он же. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 82–109; Он же. Літоўска-маскоўская граўніца ў другой палове XV — пачатку XVI ст. // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 2007. С. 325–340; Он же. Формирование московско-литовской границы в XV — начале XVI в. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2008. Вып. 1. С. 56–77.

⁹ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494 гг. М., 2013.

¹⁰ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010; Krom M. Changing Allegiances in the Age of State Building: The Border between the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Principality of Moscow // Imagined, Negotiated, Remembered: Constructing European Borders and Borderlands. Berlin; Münster; Wien; Zürich; London, 2012. P. 15–30

¹¹ См.: Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания

дремучее был лес, глубже болото и непроходимое пространство, тем более стабильным оказывался этот участок границы. В. Н. Темушев сделал совершенно правильное наблюдение относительно литовско-русских рубежей: их стремились проводить именно по диким чащобам и заболоченной местности.¹⁶ Военных ресурсов для обороны границ не хватало, поэтому старались защитить их естественными силами, сделать хотя бы часть границы труднопроницаемой для больших воинских контингентов, а открытые места и проходы — контролировать с помощью крепостей. В этих непроходимых местах пограничье представляло собой «дикие» территории вне всякой власти и подчинения, зону обитания разбойников и беглецов.

Проходимую территорию пересекали дороги. Собственно, контроль над границей был контролем над дорогами. При этом если мы обратимся к картам, то увидим, что крепости и опорные пункты не перекрывали дороги в пограничной зоне, а располагались в глубине государственной территории, как исходные пункты этих дорог. Иными словами, в изучаемый период не существовало череды крепостей по линии государственной границы и замков в местах пересечения дорогами этой условной пограничной линии.

Как же в таком случае осуществлялся контроль над коммуникациями и оборона границы? В нашем распоряжении есть источники, показывающие механизм складывания и функционирования системы контроля, так сказать, *ab ovo*, с момента ее возникновения и до ликвидации. Речь идет о создании системы контроля над порубежными территориями в Полоцком повете после 1563 г. На этом примере можно реконструировать в целом представления XVI в. о том, как должно строиться управление приграничными территориями. В 1563 г. Россия присоединяет Полоцк и земли вокруг него. Четкой демаркационной линии сразу проведено не было, ее долго и трудно согласовывали на русско-литовских переговорах в 1563–1570 гг. Как же Россия закрепляет свое присутствие в регионе? Как ни парадоксально, но не ставится никаких крепостей между Полоцком и потенциальной ли-

нией фронта с войсками ВКЛ на западном направлении. Зато активно строятся крепости... в тылу, между Полоцком и бывшей русско-литовской границей. Это маленькие фортификационные пункты, с гарнизонами в несколько десятков, максимум в несколько сотен, человек. Они основываются либо в устьях рек, как мысовые крепости (Туровля, Сокол, Ула), либо на труднодоступных озерных перешейках (Красный, Ситна, Суша).¹⁷ И в том и в другом случае их создателей, кажется, больше волнует труднодоступность крепости для неприятеля, чем стремление перекрыть какую-либо коммуникацию или направление.

Мотивы создания такой сети «пригородов» очевидны. Любая деревянная крепость такого масштаба не могла стать серьезным препятствием для нападения крупных сил неприятеля (это и показал поход Стефана Батория в 1579 г.). Поэтому делать из них приграничный рубеж не имело смысла. А вот стать опорной точкой для гарнизона, из которой будут посылаться разъезды, отряды для контроля дорог, для устройства пограничных и таможенных застав, контрольно-пропускных пунктов и т. д., такие крепостицы могли. Они были достаточно сильными, чтобы не обращать внимания на разбойничьи шайки и местных крестьян, и служили прежде всего военными базами, обеспечивающими реализацию власти на приграничной территории.

Вопрос о власти в пограничье был самым болезненным. С одной стороны, наличие дремучих «серых зон», постоянный переход земель из рук в руки — все это создавало «территорию комфорта» для разного рода «лихих людишек». С другой стороны, в условиях перманентной угрозы местному населению надо было искать какие-то формулы своего существования. В последнее время в историографии появилось особое направление — история эмоций. Прошлое человечества оценивается с позиций того, какие эмоции происходившие события вызывали у людей. Если мы посмотрим на историю пограничья, то выясним, что доминирующей эмоцией местного населения

¹⁶ См.: Темушев В. Н. Феномен московско-литовского порубежья XV века // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск, 2011. С. 202.

¹⁷ О полоцких «пригородах» подробнее см.: Брежго Б. Замкі Вітебшчыны. Віля, 1933; Иванов В. А. Замки Витебской земли. Витебск, 2003; Устинович Ю. Ф. Система укреплений Великого княжества Литовского и Московского государства на территории Полоцкого воеводства и Витебского повета во время Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 141–148; Филюшкин А. И., Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017. С. 68–93.

был страх. Страх перед постоянной опасностью физического насилия, перед нестабильностью жизни, перед угрозой в одночасье потерять все. Страх перед тем, что ты — один на один с опасностями и помочь могут только односельчане или «друзи», товарищи; что своих сил все равно не хватит в случае, например, иноземного вторжения.

Документы о границе нередко рисуют картину всеобщего страха. В 1503 г. в них доминирует образ опустошенной границы: от сел остались одни погосты.¹⁸ Послы ВКЛ говорят о полном разорении приграничья к этому году. Чудом уцелевшие села с обеих сторон грабят, «заседают», захватывают. С границами, отмеченными в перемирных грамотах, не считаются. В 1504 г. среди жалоб на нападения и разбои в пограничной земле упоминается о том, что для устрашения населения нападавшие запирают людей в домах и сжигают. Такая акция устрашения применялась для терроризирования приграничного населения обеими сторонами (известие о сожжении заживо («вкинун в огонь») после 1506 г. (уже при Сигизмунде I) русского дорогобужского помещика Ивана Хирина «с людьми»)).¹⁹

Опасным мог быть даже выезд на рыбалку. В 1554 г. жители Заволочья, Вася Воротников с товарищами, поехали ловить рыбу за 15 верст, на Пуповские озера (Уще и Реблю). Ночью на деревню, где они заночевали (Реболово), напали люди из ВКЛ: «...и в ту деревню пришли на них в полночь литовские люди, конные и пешие, да их били и грабили и секли, и деревню выграбили, и животину выгнали, а у иных людей носы резали, а у иных людей ноги ломали, а иных многих рыболовей без вести нет». Нападавшие также сделали набег до Заволочья и в 5 верстах от него сожгли на полях сено.²⁰ Можно привести пример другой «неудачной» рыбалки: крестьяне Терешко да Манулко Пуповской волости Дубенского стана, «...сорок человек, ловили рыбу на Уше озере, и пришли на них из Полоцка литовские люди многие, да их били и грабили и секли, а грабежу у них взяли пять неводоу, да десять лошадей с санми и с хомуты, да пять возоу рыбы, а с них сняли сорок сермяг, да сорок шуб, да сорок колпакоу, да сорок шапоу, да двадцать топоу, да десять пешень, да со всех сорока человек сняли по

рукавицам».²¹ Оставшиеся без рукавиц незадачливые рыбаки пожаловались местным властям, но разбойники, захватившие такие ценные трофеи, как колпаки и рукавицы, «легли на дно». Перечень трофеев однозначно указывает на среду, из которой формировались приграничные бандитские шайки: это были те же крестьяне, для которых и сермяга — ценный трофей.

Власти пытались как-то противодействовать разбоям, но ни у русской, ни у литовской стороны для этого не было реальных возможностей. Приграничные леса и речные омуты прочно хранили свои тайны. В этих условиях одним из способов как-то бороться с разбоями было обращение к осведомителям (которых в условиях круговой поруки местного населения найти было непросто) или пытка несчастных, которые подвернутся под руку. Сохранилось описание подобного сыска (1582 г.): «...А что еси государю бил челом о человеке своем о Емеляне, которой у тебя изгиб на дороге, и мы по государеву приказу про человека твоего сыскивати посылали дети боярских добрых, и те дети боярские к Москве привели из Чегатаевы деревни Черленого и иных сел и деревень, в которых местех, сказывали пристау, человек твой изгиб, боярских людей и крестьян многих и по ся места в твоём человеке осмянатцать человеку пытану крепками пытками, а никто на себя не говорил. И по ся места в сыску про твоего человека и про рухлядь ничего не объявилось, неведомо он назад воротился в Литву, хотя в тебе корысти, что с ним рухлядь твоя была или что будет над ним зделалось на дороге. А и ныне государевы дети боярские человека твоего ездят сыскивают, и ты и сам едучи про то услышишь, каков сыск в твоём человеке. А все те люди, которые здесь пытану, посмотри их. И велел Ондреи к себе в ызбу ввести людей, которые пытану, и литовскому гонцу их сказывал».²² Старания «детей боярских» связаны как с дипломатическим моментом (пришедшая из Москвы команда угодить литовскому послу), так и с огромной суммой иска (234 рубля!). Колпаки и топоры так искать никто бы не стал.

Впрочем, читая подобные описания в источниках, надо понимать, что они могли быть и утрированными. Пограничное население порой спекулировало ссылками на риски

¹⁸ СИРИО. Т. 35. С. 436, 446, 447.

¹⁹ Там же. С. 471, 524.

²⁰ Там же. Т. 59. СПб., 1887. С. 438, 439.

²¹ Там же. С. 439.

²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 14. Л. 572, 573.

и опасности, делая вид, что перенесло от супостата страшные беды и не может платить подати и т. д. О. Дзярнович точно заметил, что в судебных делах на границе в основном фигурируют цифры ущерба, кратные десяти.²³ Невозможно представить, чтобы грабители были столь аккуратны, что крали именно по 10 овец, 20 коров, 30 котлов и т. д. Значит, размер предъявляемого ущерба носил несколько условный (выдуманный) характер.

Очень красноречивы жалобы жителей ВКЛ 1585 г., которые после окончания Ливонской войны пытались вернуть потерянные владения: «И ныне к государю нашему пришли многая шляхта и всякие люди з грамотами з дедними, а иные и с отцовыми на вотчины на свои, у которых вотчины были в Смоленске, и в Вязме, и в Дорогобуже, и в Северских городех, и в ыных местех, на которые свои вотчины многие люди и теперь глядят, а бьют челом государю нашему, что видят те свои вотчины не за собою... и те люди ко государю нашему приходят, у которых именеица малыя, а их в домех поумножилося, и им прожитии негде, теснота великая».²⁴

Такие потерянные земли «подбирались» другими землевладельцами, что порождало ожесточенные споры. Процедура разъезда владельческих границ («разделить и заграничить») хорошо известна по актам. Стороны съезжались на спорном рубеже, привозили свидетелей, зачитывали документы и держали речи, слушали показания «старожильцев».²⁵ Побеждала та сторона, которая явилась на съезд и оставалась на нем до конца, продолжая держать речи и предъявлять свидетелей и аргументы в пользу своего права владения. По рубежу проезжали, насыпали «копцы» и «границы зарубали». Описание рубежей записывали «в лист». Ориентирами выступали водоемы, курганы, болота, дороги, отдельно стоящие приметные деревья, рощи и т. д.²⁶

Эти размежевания имели не только местное, но и общегосударственное значение. Когда в результате «порубежных войн» конца XV — начала XVI в. начались масштабные под-

вижки, стало ясно, что необходима детальная роспись рубежей, с учетом рек и речушек, ручьев, лесов и перелесков, сел и деревень и их угодий (лугов, лесов) и т. д. Из Москвы или Вильно провести такое размежевание было невозможно: чиновники столиц не могли знать таких подробностей. Поэтому описания границ стали запрашивать с мест (так в 1520-е гг. появляются «рубежные списки»)²⁷. На местах рубежи между странами проводили по землевладельческим межим (чем и объясняются иной раз очень странные ориентиры — мелкие речки, пни, отдельно стоящие деревья и т. д.). Раздел местного землевладения тем самым приобрел общегосударственную значимость: владельческие межи превращались в государственные границы.

Реальные параметры власти в пограничье определяли два фактора — кто судит и кто собирает налоги. Собственно, этим и обуславливался статус территорий, какие в которое государство входят. На русско-литовских переговорах 1503 г. в рассуждении о принадлежности земель было выдвинуто два критерия — приведено ли население к присяге (целованию) и к какому наместнику обращаются по судебным и административным делам. Этим обращением и определялось, кому положено платить налоги.²⁸ Проблема была в том, что в пограничье было много территорий со смешанным налогообложением. Эта ситуация корнями восходила к средневековью, когда пограничные города нанимали литовских князей для охраны рубежей, а расплачивались правом сбора налога с какой-либо территории. В XV–XVI вв. этот казус стал порождать претензии ВКЛ на внутренние земли Руси. Именно здесь были корни представлений великих князей литовских о том, что у них есть права на Новгород и Псков. Они вытекали из факта выплат новгородцами наемным литовским князьям, чьи войска в средневековье охраняли новгородские рубежи.²⁹ В феврале 1488 г. русские дипломаты вели спор с литовской стороной о налогообложении Великих Лук, Ржевы (Заволочья). Власти ВКЛ претендовали на налоги с этих земель, обосновывая свои претензии тем, что литовские князья

²³ См.: Дзярнович О. Указ. соч. С. 258.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 15. Л. 735–736об.

²⁵ Подробнее о пограничных съездах см.: Филюшкин А. И. Пограничные съезды между Великим княжеством Литовским и Россией в первой половине XVI века // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2016. № 3 (35). С. 205–213.

²⁶ См., напр.: Wyrok sędziów ks. Andrzeja Sanguszki... 11.11.1537 // Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890. Т. 4: 1535–1547. S. 98. Nr. XCI.

²⁷ Об этом типе документа, регулировавшем жизнь в пограничье, см.: Филюшкин А. И. Рубежные списки XVI века // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2016. № 3. С. 72–78.

²⁸ См.: СИРИО. Т. 35. С. 396.

²⁹ См.: Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998.

получали их в прежние годы, когда были на службе Великому Новгороду. В 1488 г. власти ВКЛ еще пытались взимать эти налоги — посылали чиновников в Луки, правда наместник Ивана III прогнал их.³⁰ Спор продолжался еще в 1491 г., когда литовцы требовали восстановить сбор дани с этих земель.³¹ Вопрос о налогах с Тверской, Новгородской, Псковской земель обсуждался на переговорах в 1494 г.³²

После русско-литовских «порубежных войн» первой трети XVI в., вызвавших изменение границ, ситуация еще более запуталась. Русская сторона настаивала на «административной» формуле присоединения земель: если захвачен административный центр, то с ним переходит вся волость, повет, уезд и т. д.³³ Власти ВКЛ считали, что новые рубежи должны проводиться по линии фактических захватов: можно потерять город, но округу отстоять. Это вызывало множество хозяйственных конфликтов вокруг захваченных городов (литовцы «земли пашут», «воды ловят» и «ходят в ухажьи», сводят людей и т. д.).³⁴

Пограничье было не просто «зоной безвластия»: власть была, но не государственная, а та, которую сегодня мы бы назвали коррупционной. Происходило сращивание местной власти и пограничного криминалитета. В какой-то степени это было неизбежно, так как власти не располагали серьезными воинскими или полицейскими ресурсами для контроля над границей. И если они хотели хоть как-то влиять на происходящее или, по крайней мере, быть в курсе пограничной жизни, они неизбежно вступали во взаимовыгодное сотрудничество с «лихими людьми», а там начиналось укрупнительство «своих» за взятки и т. д. ВКЛ обвиняло русских «украинных» наместников в том, что они покровительствуют «лихим людям» и чуть ли не «держат» их.³⁵ Надежда здесь была только на центральные власти, которые такое сотрудничество в любом случае не поощряли. ВКЛ обращалось в Москву, требовало прислать «государева подьячего», который бы разобрался с произволом наместников.³⁶ Иногда для вида такие контролеры из центра приезжали, но их деятельность была малоэффективна.

Почему же, несмотря на обилие проблем на границе, население не уходило из пограничной зоны? Дело в том, что статус «граничника» давал определенные льготы. Известно, что в ВКЛ люди, жившие в пограничье, в определенных случаях освобождались от государственных и владельческих повинностей («в селе Кубьку дымов шеснадцать на Московской граници. С тых людей плату и служьбы ниякое нет»;³⁷ «село Горскля, отчызна его на граници Московьской. В том селе людей вольных дымов десеть, с которых еще плату никоторого не мает, бо на воли седять»³⁸). Освобождение было связано, как правило, с несением каких-либо пограничных повинностей и служб.

Ситуация имела амбивалентный характер: обратной стороной любого «беспредела» является свобода, возможность укрыться от властей, преследующих тебя за дело или без дела. На границу бежали, потому что она была ничьей опасной территорией — и это давало укрытие. Например, зимой 1489 г. упоминается бегство трех дворовых человек М. С. Яробкина — Бурца, Улята и Ноздри — из-под Смоленска с награбленным имуществом (икона в серебряном окладе, кони, оружие, одежда, деньги). Бандиты с награбленным имуществом укрылись в пограничье, где чувствовали себя в полной безопасности.³⁹ Местные власти даже пытались поймать «лихих людей», но безрезультатно. В их переписке перечисляются аналогичные случаи бегства слуг и дворовых людей с ворованным имуществом, похищения детей («робят»). Также острой была проблема возврата беглых холопов: они бежали с хозяйским имуществом, и потерпевшие требовали его возврата.⁴⁰

Здесь возникала некоторая правовая коллизия. С одной стороны, порядок ведения подобных дел был известен. В регулировании пограничных споров было положено руководствоваться старинной статьей перемирной грамоты: «тата, беглеца, холопа, робу, должника по исправе выдати, а данное, положенное, заемное, поручное отдати, а в обидных делах управа давати без хитрости».⁴¹ Эта норма восходила еще к удельным временам и содержалась в соглашениях удельных князей. Но ведь другой стороне было выгодно принимать

³⁰ См.: СИРИО. Т. 35. С. 14, 15.

³¹ Там же. С. 54.

³² Там же. С. 115.

³³ См., напр., спор о Себежской волости: СИРИО. Т. 59. С. 138.

³⁴ Там же. С. 132.

³⁵ Там же. Т. 35. С. 763.

³⁶ Там же. С. 764.

³⁷ Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. Мінск, 2011. С. 103.

³⁸ Там же. С. 128.

³⁹ См.: СИРИО. Т. 35. С. 32, 33.

⁴⁰ Там же. С. 475, 477.

⁴¹ Там же. Т. 71. М., 1892. С. 483, 484.

у себя беглецов как живую трудоспособную силу. В 1549 г. в перемирной грамоте и на переговорах Россия потребовала убрать пункт о возврате беглых: «...занже беглецы не отдаются, и то лежит на государьских душах».⁴² Пункт о беглецах, которые бегают на обе стороны, рассматривался на переговорах в 1562 г.⁴³ На практике высокопоставленных лиц не выдавали никогда, а рядовых беглецов не очень-то усердно старались ловить. Вопрос о перебежчиках периодически был предметом обсуждения дипломатов. Но случаев массовой выдачи, например, беглых холопов владельцам другой страны нам неизвестны.

Эти нелегальные перемещения населения создавали в пограничье особую маргинали-

зированную, криминальную среду. Здесь выживал тот, кто был смел, отважен, достаточно беспринципен, служил прежде всего себе, а не царям и королям. Сюда стремились такие люди, которые рано или поздно оказывались не в ладах с государством. Для жертв произвола бегство в такую «зону отчуждения» нередко было последним шансом выжить. Чтобы понять, какую роль это маргинализованное пограничье через несколько лет сыграет в русской истории, надо обратиться к истории Смуты. Именно пограничье, как показал Ч. Дуннинг,⁴⁴ в 1604 г. безоговорочно поддержало Лжедмитрия и стало питательной средой для первой гражданской войны в истории России.

Alexander I. Filyushkin

Doctor of Historical Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: a.filyushkin@spbu.ru

“BOUNDARY PEOPLE”: THE RUSSIAN-LITHUANIAN BORDER IN THE LATE 15th–16th CENTURIES

The border between the Grand Duchy of Lithuania and the Russian state in the 15th–16th centuries should be defined not as a borderline, but as a contact zone. Its components were territories (including the zones of impassable woodlands etc.), settlements and roads. The control over the border was not control over the borderline (the countries did not have enough resources to defend it), but over the roads and communications connecting the countries, and over urban districts in the border zone. Border fortresses served as military bases for mobile posts and military patrols on roads and territories. Land ownership played an important role in the contact zone. Landowners had certain privileges, moreover, they were the ones who controlled the possession of the interstate border. Since the 1520s, it has been fixed in documents of a special type — “boundary lists”. Controversial questions were to be discussed at the common meetings of nobility, but they proved to be ineffective because of the sabotage of the nobility. The border zone was distinguished by social and political instability that influenced the character of the local inhabitants. There were many runaway, criminal elements among them, which later would manifest itself in the most negative way during the crisis in the Time of Troubles in the early 17th century.

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania, Russian state of the 16th century, border, contact zone, boundary lists, noble landowners*

REFERENCES

- Auerbach I. [Ivan Groznyj, Spies and Traitors in Moscow Russia and the Grand Duchy of Lithuania]. *Russian History*, 1987, vol. 14, no. ¼, pp. 5–35. (in German).
- Backus O. Motives of West Russian nobles in deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514. Lawrence: University of Kansas Press, 1957, 174 p. (in English).
- Backus O. P. Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* [Research on Eastern European history], 1970, vol. 15, pp. 119–144. (in English).
- Błaszczak G. *Geografia historyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego: stan i perspektywy badań* [Historical geography of the Grand Duchy of Lithuania: current state and perspectives of the research]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół, 2012, 200 p. (in Polish).

⁴² Там же. Т. 59. С. 314.

⁴³ Там же. Т. 71. С. 58.

⁴⁴ См.: Dunning Ch. Russia's first civil war: the Time of Troubles and the founding of the Romanov dynasty. Pennsylvania, 2001. P. 9–28.

- Brezhgo B. *Zamki Vitebshchiny* [Castles of Vitebsk Region]. Vilna: A. Levin Publ., 1933, 38 p. (in Belarusian).
- Dunning Ch. *Russia's First Civil War: the Time of Troubles and the founding of the Romanov dynasty*. University Park, Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2001, 657 p. (in English).
- Dvornichenko A. Yu. [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (until the beginning of the 16th century)]. *Ocherki istorii obshchiny, sosloviy i gosudarstvennosti* [Essays on the history of the community, estates and statehood]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 2013, 239 p. (in Russ.).
- Dziarnovich O. [The cost of the offence: local conflicts in Belarusian-Latgalian border in the first half of the 16th century and the problem of measuring damages (based on the Book no. 560 Metrics of the Grand Duchy of Lithuania)]. *Metryka Vyalikaga Knyastva Litoŭskaga (1541–1542)* [Metrics of the Grand Duchy of Lithuania (1541–1542)]. Minsk: Athenaem Publ., 2010, book no. 560/3, pp. 254–259. (in Russ.).
- Erusalimsky K. Yu. *Moskovity v pol'sko-litovskom gosudarstve vtoroy poloviny XVI — nachala XVII v.: dokt. diss.* [Moscovites in the Polish-Lithuanian state in the second half of the 16th — early 17th century. Abst. Diss. Dr.]. Moscow, 2011, 1055 p. (in Russ.).
- Filyushkin A. I. [Boundary lists of the 16th century]. *Drevnyaya Rus': voprosy mediyevistiki* [Ancient Russia: issues of medieval studies], 2016, no. 3, pp. 72–78. (in Russ.).
- Filyushkin A. I. [Meetings of Diplomats in the Border Area between the Grand Duchy of Lithuania and Russia in the first half of the 16th century]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [[Izvestiya SmolGU], 2016, no. 3 (35), pp. 205–213. (in Russ.).
- Filyushkin A. I., Kuzmin A. V. *Kogda Polotsk byl rossiyskim. Polotskaya kampaniya Ivana Groznogo 1563–1579 gg.* [When Polotsk was Russian. The 1563–1579 Polotsk campaign of Ivan the Terrible]. Moscow: Russkiye vityazi Publ., 2017, 176 p. (in Russ.).
- Grala H. [In foreign. Reflections on the seals and coats of arms of refugees from Moskovia in Poland-Lithuania in the 16th and 17th centuries]. *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde* [Archive for diplomatics, written history, seal and heraldry], 1999, vol. 45, pp. 379–422. (in German).
- Khoroshkevich A. L. [Reflection of ideas about the regions of the state of all Rus' and the Russian kingdom in the grand princely and royal titles of the 16th century]. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* [Research on Eastern European history]. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004, vol. 63, pp. 103–125. (in Russ.).
- Khoroshkevich A. L. [The state of all Rus']. *Rodina* [Motherland], 1994, no. 5, pp. 21–26. (in Russ.).
- Krom M. *Changing Allegiances in the Age of State Building: The Border between the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Principality of Moscow. Imagined, Negotiated, Remembered: Constructing European Borders and Borderlands*. Berlin; Münster; Wien; Zürich; London: LIT Verlag, 2012, pp. 15–30. (in English).
- Krom M. M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnyye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV — pervoy treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations of the late 15th — first third of the 16th century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010, 318 p. (in Russ.).
- Kuzmin A. G. *Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii voyenno-sluzhiloy znati Severo-Vostochnoy Rusi v XIII — seredine XV v.* [On the way to Moscow. Essays on the genealogy of the military nobility of North-Eastern Russia in the 13th — mid-15th centuries]. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki drevney Rusi Publ., 2014, vol. 1, 335 p. (in Russ.).
- Kuzmin A. G. *Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii voyenno-sluzhiloy znati Severo-Vostochnoy Rusi v XIII — seredine XV v.* [On the way to Moscow. Essays on the genealogy of the military nobility of North-Eastern Russia in the 13th — mid-15th centuries]. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki drevney Rusi Publ., 2015, vol. 2, 435 p. (in Russ.).
- Lastovsky G. A. [The administrative-territorial structure and categories of rural settlements of Smolensk Land in the Grand Duchy of Lithuania (the 15th — the beginning of the 16th century)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya SmolGU], 2013, no. 3 (23), pp. 168–177. (in Russ.).
- Picheta V. I. *Belorussiya i Litva XV–XVI vv. (issledovaniya po istorii sotsial'no-ekonomicheskogo, politicheskogo i kul'turnogo razvitiya)* [Belarus and Lithuania of the 15th–16th centuries (studies on the history of socio-economic, political and cultural development)]. Moscow: AN SSSR Publ., 1961, 815 p. (in Russ.).
- Pratt M. *Arts in the Contact Zone. Reading the Lives of Others*. Boston: Bedford Books of St. Martin's Press, 1995, pp. 180–195. (in English).
- Rubl B. [Creative potential of contact zones]. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic notes], 2012, no. 3 (48), pp. 245–255. (in Russ.).
- Schmidt S. O. [Russian emigration and its influence on national historical thought]. *Dokumental'noye nasledie po istorii russkoy kul'tury v otechestvennykh arkhivakh i za rubezhom* [Documentary heritage on

the history of Russian culture in domestic archives and abroad]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, pp. 11–64. (in Russ.).

Shelamanova N. B. *Obrazovaniye zapadnoy chasti territorii Rossii v XVI v. v svyazi s yeye otnosheniyami s Velikim knyazhestvom Litovskim i Rech'yu Pospolitoj: kand. diss.* [Formation of the western part of the territory of Russia in the 16th century in connection with its relationship with the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth. Diss. Cand.]. Moscow, 1970, 636 p. (in Russ.).

Temushev V. N. [Formation of the Moscow-Lithuanian border in the 15th — the beginning of the 16th century]. *Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy* [Studia Historica Europae Orientalis. Studies on the history of Eastern Europe]. Minsk: BGU Publ., 2008, iss. 1, pp. 56–77. (in Russ.).

Temushev V. N. [Lithuanian-Moscow border in the second half of the 15th — beginning of the 16th century]. *Jahielony: dynastija, epocha, spadchyna* [Jagiellons: dynasty, era, heritage]. Minsk: Bielaruskaja navuka Publ., 2007, pp. 325–340. (in Belarusian).

Temushev V. N. [The beginning of formation of the Moscow-Lithuanian border. Struggle for the Land of Rzhev]. *Rossiyskiye i slavyanskiye issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Minsk: BGU Publ., 2004, iss. 1, pp. 71–80. (in Russ.).

Temushev V. N. [The Phenomenon of the Moscow-Lithuanian Frontier of the 15th century]. *Vialikaje kniastva Litoŭskaje i jaho susiedzi ŭ XIV–XV stst.: sapiernictva, supracouŭnictva, uroki: da 600-hoddzia Hrunvaldskaj bitvy: materyjaly Mižnar. navuk. kanf.* [The Grand Duchy of Lithuania and its neighbors in the 14th–15th centuries: Competition, cooperation, lessons: the 600th anniversary of the Battle of Grunwald: Proceedings Intern. Sci. Conf.]. Minsk: Bielaruskaja navuka Publ., 2011, pp. 199–206. (in Russ.).

Temushev V. N. [The Western Border of the Grand Duchy of Moscow by 1380]. *Kulikovskaya bitva v istorii Rossii: Sb. statej* [The Battle of Kulikovo in the History of Russia: Collected articles]. Tula: Levsha Publ., 2006, pp. 82–109. (in Russ.).

Temushev V. N. *Gomel'skaya zemlya v kontse XV — pervoy polovine XVI v.: territorial'nyye transformatsii v pograničnom regione* [Gomel land at the end of the 15th — the first half of the 16th century: territorial transformations in the border region]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009, 189 p. (in Russ.).

Temushev V. N. *Pervaya moskovsko-litovskaya pograničnaya vojna 1486–1494 gg.* [The First Moscow-Lithuanian Border War, 1486–1494]. Moscow: Kvadriga Publ., 2013, 238 p. (in Russ.).

Ustinovich Yu. F. [The system of fortifications of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State on the territory of the Polotsk Voivodeship and Vitebsk Province during the Livonian War]. *Baltiyskiy vopros v kontse XV–XVI vv.* [Baltic Question at the end of the 15th–16th centuries]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010, pp. 141–148. (in Russ.).

Vinogradov A. V. [Formation of the boundaries of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State in the light of geopolitical changes in Eastern Europe. The 90s of the 15th century — 80s of the 16th century]. *Formirovaniye territorii Rossiyskogo gosudarstva XVI — nachalo XX v. (granitsy i geopolitika)* [Formation of the territory of the Russian state in the 16th — the beginning of the 20th century (borders and geopolitics)]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2015, pp. 9–39. (in Russ.).

Voronin V. A. *Sotsial'no-ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye Polotskogo voyevodstva v pervoy polovine XVI v.: avtoref. kand. diss.* [Socio-economic and political development of Polotsk Voivodeship in the first half of the 16th century: Abst. Diss. Cand.]. Minsk: BGU Publ., 2000, 23 p. (in Belarusian).

Yanin V. L. *Novgorod i Litva: Pogranichnyye situatsii XIII–XV vv.* [Novgorod and Lithuania: border situations of the 13th–15th centuries]. Moscow: MGU Publ., 1998, 212 p. (in Russ.).

Zherebtsova L. Yu. [Creating an electronic resource on the history of the customs service of the Grand Duchy of Lithuania (on the example of the “Myto” database)]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komputer* [Informational Bulletin of History and computer Association], 2010, no. 36, pp. 65–66. (in Russ.).